

A woman with long dark hair in a braid, wearing a black lace-trimmed dress, holds a glowing orange fire orb in her right hand. She is smiling and looking towards the camera. The background is a dramatic fantasy landscape with a large, dark, multi-towered castle on a rocky cliff under a sunset sky. Mountains are visible in the distance, and many orange autumn leaves are falling around her.

Дмитрий Горбачев

ДОРОГА ВЕДЬМ

Дмитрий Горбачев

ДОРОГА ВЕДЬМ

<https://litres.ru/74595028>

SelfPub; 2026

Аннотация

Любовь и магия — два обозначения одной и той же энергии. Энергии, подобной радиации, солнечному свету. Недостаток её превращает человека в нечто серое и безжизненное — в того, кто идёт в толпе на очередную работу. Но и избыток радиоактивной любви может превратить в жестокого мутанта — эгоиста.

Где пролегает золотая середина этой магической энергии, не знает ни одна душа в этом мире.

Так и в моём мире магии речь пойдёт о магичках и магах, о боевых колдунах-наёмниках и, конечно, о любви.

Дмитрий Горбачев

ДОРОГА ВЕДЬМ

Глава 1

ИСПОВЕДЬ СТАРОГО РЫБАКА

О том, что рассказал Бор молодому колдуну на берегу перед боем с чёрным троллем

«Море очищает не только кожу на ступнях, но и душу. Море очищает, опустошает до той степени пока не останется надежд и желаний». — Приписывается безымянной жрице Мангии, изгнанной из святилища за ересь

Солнце садилось медленно, будто нехотя, роняя на воду длинные багровые полосы, и старый Бор всё вязал свою сеть — узел за узлом, движение, отточенное годами до полного безразличия рук к присутствию собеседника. Велемир сидел рядом на перевернутой лодке, ожидая рассвета, чтобы с новыми силами отправиться к зарослям огневика, и молчал, потому что за годы странствий научился одному важному правилу: старики говорят тогда, когда сами того хотят, а

не тогда, когда их об этом просят.

— Ты, наверное, думаешь, — сказал наконец Бор, не поднимая глаз от сети, — что я всю жизнь провёл вот так. С сетью в руках, с солью в морщинах, глядя, как чужие герои идут убивать чужих чудовищ.

— Я думаю, — осторожно ответил Велемир, — что у каждого человека, дожившего до седины на этом берегу, есть история, которую он не рассказывает первому встречному.

Старик усмехнулся — коротко, почти беззвучно, — и впервые за вечер посмотрел магу прямо в глаза.

— А ты не первый встречный, юноша. Ты последний, кому я собираюсь её рассказать, а после — как бог даст.

Он отложил сеть в сторону, будто разговор, который вот-вот начнётся, требовал полной свободы рук, и вздохнул так тихо, что шум прибоя едва не поглотил этот вздох целиком.

— Я не всегда был рыбаком.

— Было время, — начал Бор, — когда я служил у хозяина на виноградных угодьях, что в трёх днях пути отсюда, за холмами, где земля тёплая и родит хорошо, если её не обижать засухой. Я был виноделом. Не последним человеком в усадьбе, скажу тебе. Почти главным. Хозяин мне доверял ключи от погреба, а погреб этот стоил дороже, чем весь остальной дом вместе взятый.

— Хорошая была должность, — заметил Велемир, просто чтобы дать старику знать, что его слушают.

— Хорошая. Но не о ней рассказ. Была у хозяина дочка. Герда её звали.

Он произнёс это имя так, как произносят слова, которые давно перестали быть просто звуком, а превратились в нечто, отдельно живущее в горле, — с придыханием, с застарелой болью, спрятанной так глубоко, что она уже почти не саднила, а лишь тупо ныла, как старая рана в непогоду.

— Красивая была девушка. Слишком красивая для этого захолустья и слишком избалованная для своей же красоты. К отцу приезжали свататься сыновья баронов, купцы с тугими кошельками, даже один обедневший рыцарь, помещанный на турнирах. Всем она отказывала. Один нехорош лицом, другой скуп, третий скучен. Так и просидела в девках до двадцати пяти — возраст, в котором даже самая завидная невеста начинает превращаться в объект обсуждения злых языков.

— И тогда никто уже свататься не захотел, — продолжил старик, не дожидаясь вопроса. — А у неё, представь себе, к тому времени появился я. Винодел. Не барон, не купец — человек, который приходит в господский дом через заднюю дверь, а не через парадную.

Велемир молчал, но по лицу его пробежала тень понимания — истории такого рода он слышал не раз, в разных краях, под разными именами, и все они заканчивались одина-

ково скверно для того из двоих, кто приходил через заднюю дверь.

— Закрутилось у нас задолго до того, как ей стукнуло двадцать пять, — продолжал Бор. — Тайком, конечно. Хозяин бы с меня шкуру спустил, узнай он, что винодел заглядывается на его дочь не только через счета платежей. Но она сама искала встреч. Сама подходила первой. Ей нравилось, знаешь ли, играть с огнём — в ту пору я думал, что это она обо мне, а оказалось, что она вообще о жизни так думала. Игра. Развлечение. Способ убить скуку богатого дома.

— Она любила море, — сказал он после паузы, и голос его смягчился, будто вспомнил что-то по-настоящему доброе среди всей этой горечи. — Мечтала сбежать сюда, на побережье. Гулять вечерами по песку, провожать солнце в закат, смотреть, как оно тонет в воде красным, будто раненое. Она говорила об этом так, что я, дурак, поверил — вот оно, настоящее, вот то, ради чего стоит рискнуть всем.

— В какой-то момент мы решили всё бросить, — Бор развёл руками, будто до сих пор удивлялся собственному безрассудству. — Хотя, если по совести, решила она, а я просто пошёл следом, как пёс идёт за хозяйкой, не спрашивая, куда и зачем. Мы уехали сюда, к морю, подальше от хозяйского гнева и хозяйских виноградников. Я её любил. Люблю до сих

пор, юноша, больше жизни, хотя жизнь эту она у меня давно отобрала, просто ещё не удосужилась забрать окончательно.

Он замолчал на мгновение, глядя на воду, где в сумерках уже начинали проступать те самые маленькие белые огоньки, о которых он рассказывал магу днём раньше, — молчаливые свидетели всего, что произошло дальше.

— Ты, конечно, понимаешь, — продолжил старик с горькой усмешкой, — что жизнь наша здесь совсем не походила на тот рай, который она себе рисовала в мечтах. Я построил ей отдельный дом — хороший, крепкий, с видом на воду, — потому что, по её словам, со временем у неё развилась аллергия на море. На само море, представляешь? Женщина, которая всю жизнь мечтала жить у воды, вдруг не смогла находиться рядом с ней без того, чтобы не покрыться сыпью и не начать чихать беспрестанно.

— Странная хворь, — заметил Велемир осторожно.

— Странная, — согласился Бор, и в этом согласии прозвучало нечто, весьма похожее на застарелую, годами копившуюся иронию. — Сам я большую часть этих лет провёл вот в этой самой лачуге, что ты видишь за моей спиной. Ей так было удобнее — чтобы я её не утомлял своим присутствием. Приходил я к ней раз в несколько дней, приносил рыбу, деньги, что удавалось выручить, слушал, как она жалуется на скуку, на сырость, на то, что жизнь у моря оказалась совсем не такой, как в её мечтах. И уходил обратно в свою лачугу, потому что находиться рядом дольше положенного она

не позволяла — говорила, у неё от меня голова начинает болеть.

Он снова усмехнулся, но на этот раз в этом смехе не было ни капли веселья — лишь усталая, годами выдержанная горечь человека, который слишком поздно понял, что его любовь была для другого человека чем-то вроде удобной мебели: полезной, привычной, но никогда не желанной по-настоящему.

— В один из дней, — сказал старик, понижая голос, буд-то то, что он собирался рассказать дальше, требовало особой осторожности даже здесь, на пустынном берегу, где, кроме них двоих, не было ни одной живой души, — в мои сети попала морская богиня. Наполовину русалка, наполовину женщина. Грудь у неё была точь-в-точь как у человеческой женщины, только сама она была размером с детёныша дельфина. Не грудь, а сама богиня, дурак, — усмехнулся он, поймав недоумевающий взгляд Велемира. — От неё исходил свет. Мягкий такой, золотистый, будто закатное солнце решило поселиться внутри живого существа.

— Она заговорила со мной. Голосом тихим, как шелест волны о песок. Сказала, что если я её отпущу, она исполнит любое моё желание. Одно, но настоящее, без обмана. То ли случайно она попала в мои сети, то ли из жалости ко мне —

этого я тогда не понял, задумался об этом уже позже, много позже, когда думать об этом стало по-настоящему больно.

— И что же вы пожелали? — спросил Велемир, хотя уже подозревал, каким будет ответ.

— Я долго не раздумывал, — Бор покачал головой, будто до сих пор не мог поверить в собственную наивность. — Попросил, чтобы моя Герда снова стала молодой. Она ведь так переживала об этом — годы шли, а вместе с ними уходила и та красота, которой она так гордилась, которой мерила собственную ценность в этом мире. Я подумал: вот, сделаю ей подарок, вот, порадую её напоследок, хоть чем-то отплачу за все эти годы одиночества в лачуге.

Он замолчал, и Велемир, повидавший немало людей, разучившихся удивляться собственной глупости, всё же не удержался от вопроса:

— И как она это восприняла?

— Как ты думаешь? — старик горько усмехнулся. — Сказала, что я старый дурак. Что надо было просить золото, царские хоромы, титул, а не какую-то там молодость, которую и так не проверишь толком, покуда не поглядишься в зеркало получше. Велела мне снова идти к морю, к богине, и умолять о новом желании, раз уж я так бездарно потратил первое.

— И богиня согласилась исполнить второе?

— Сжалилась, — кивнул Бор. — Не знаю уж, надо мной или над собственным любопытством — что будет дальше с человеком, готовым дважды выпрашивать чужие капризы у

моря. Но жадности Герды не было предела, юноша. Стоило исполнить одно желание — она уже требовала следующего. Дом побольше. Слуг. Драгоценности со дна морского. И с каждым разом требования становились всё крупнее, всё безумнее, а я, дурак, всё ходил к воде и просил, потому что не мог видеть её недовольной, не мог смириться с мыслью, что моя любовь опять окажется недостаточно хороша для неё.

— А потом, — сказал старик, и голос его впервые за весь вечер дрогнул по-настоящему, — она захотела стать владычицей морской. Не просто богатой женщиной у воды — самой водой, самой силой, повелевающей приливами, штормами и торговыми кораблями, что ходят вдоль побережья. Захотела, чтобы ни одна волна не поднялась без её на то воли, чтобы капитаны молились ей, а не Мангии, чтобы весь этот бескрайний простор признал её единственной хозяйкой.

Он замолчал на долгую минуту, глядя на тёмную воду, где маленькие белые огоньки покачивались на волнах, будто стайка любопытных мальков, поджидающих очередного неосторожного путника.

— И богиня исполнила это желание тоже, — сказал он наконец, и в голосе его звучала не гордость, а бесконечная, выжженная годами усталость. — Только исполнила его так,

как исполняет желания море — буквально, без всякой жалости к тому, что человек имел в виду, а не то, что произнёс вслух. Герда действительно стала владычицей морских глубин. Только вот владычица эта — уже не женщина. Не русалка. Существо, для которого что тролль, что человек, что заблудившийся олень — всего лишь вопрос удобства подачи к столу.

Велемир похолодел, вспомнив маленькие белые огоньки — поплавки на мелководье, о которых старик рассказывал ему накануне, — и внезапно понял, что дело здесь вовсе не в стайке рыбок, случайно похожих на глаза чудовища.

— Ты хочешь сказать... — начал он медленно.

— Я хочу сказать, юноша, — перебил его Бор, и в этом перебивании прозвучала вся горечь, накопленная за долгие годы одиночества на этом берегу, — что там, в воде, у самого святилища, спит моя Герда. Уже не та девушка, что мечтала гулять по вечерам и провожать закаты. Существо, забывшее человеческую речь, человеческие желания, человеческую любовь — если, конечно, она вообще у неё когда-то была, в чём я теперь сильно сомневаюсь. Осталась лишь жадность, разросшаяся настолько, что заполнила собой всё, чем она когда-то была, и голод, которому нет ни конца, ни меры.

— И ты знал об этом всё время? Знал, что чудовище в воде — твоя возлюбленная?

— Знал, — подтвердил старик просто, без всякого драматизма, будто речь шла о самой обыденной вещи на свете. —

И продолжаю приходить сюда каждый день, вязать свои сети, смотреть на воду, зная, что где-то там, в глубине, лежит то, что осталось от женщины, которую я любил больше жизни. Люди говорят, что я боюсь моря. А я не боюсь моря, юноша. Я боюсь того, что если однажды она узнает меня, может быть всегда знала, вспомнит, кем я был для неё, — она захочет исполнить и моё желание тоже. А я, признаться, больше не уверен, что у меня осталось хоть одно, о котором стоило бы просить.

Велемир долго молчал, глядя на тёмную воду вместе со стариком, и по спине его пробежал холодок, весьма далёкий от вечерней прохлады. Он думал о зарослях огневика, о чёрном тролле, поджидающем его на рассвете, — и о том, что из двух чудовищ, ожидающих его на этом берегу, куда более страшным оказалось не то, у которого клыки и когти, а то, что некогда было просто избалованной девушкой, не сумевшей вовремя понять, чего же она хочет от жизни на самом деле.

— Почему ты рассказал это именно мне? — спросил он наконец.

Старик пожал плечами, вновь берясь за свою сеть, будто исповедь, только что произнесённая, была для него не более чем частью привычного вечернего ритуала.

— Потому что завтра ты пойдёшь драться с троллем на

этом самом берегу, юноша. И если бой пойдёт не так, как ты рассчитываешь, тебе лучше знать заранее, что ждёт тебя в воде, если ты решишь туда сунуться. Заодно, — добавил он тише, почти неслышно за шумом прибоя, — заодно кто-то должен знать правду, помимо старого дурака, который слишком долго молчал. Так мир станет чуточку честнее. Пусть даже совсем ненамного.

Он снова взялся за узлы, и разговор на этом закончился — так же внезапно, как и начался, — а маленькие белые поплавки на воде тем временем медленно покачивались в темноте, в какой то момент могло показаться что они моргают, безмолвно, терпеливо, будто ждали, когда же наконец придёт их черёд получить ответ на давным-давно загаданное желание.